

Гу Чибо сохранял прежнюю позу, не двигаясь и не проронив ни слова.

Вэй Шуангэ склонил голову, разглядывая его. Про себя он подумал, что Гу Чибо выглядит как-то иначе, не так, как обычно. Видимо, его сегодня довели до крайности, и он просто оцепенел от злости.

Почувствовав укол совести, Вэй Шуангэ решил утешить его:

— Из тех пятисот тысяч лян, что пожаловал Император, я дам тебе десять. Ну же, улыбнись господину.

Гу Чибо приподнял веки. В его черных, как тушь, глазах таились эмоции, которые Вэй Шуангэ не мог разгадать. Не успел тот докопаться до истины, как Гу Чибо посмотрел в окно и с легкой усмешкой произнёс:

— Завтра я отправлюсь во дворец и спрошу у Его Величества, правда ли, что всеми пятьюстами тысячами лян распоряжаешься только ты.

Вэй Шуангэ тут же утратил всякое желание копаться в чужих мыслях:

— Зариться на собственное приданое — это позорно.

— Раз на то есть золотые слова Императора, кто посмеет осудить? — парировал Гу Чибо.

— Я посмею! Как только деньги попали в мой карман, решать, что с ними делать, буду я!

Вэй Шуангэ передумал: теперь он решил дать Гу Чибо не половину, а всего двадцать пять лян — и ни единым больше.

— Что ж, решай, — отозвался Гу Чибо.

Вэй Шуангэ стало скучно. Он видел, что Гу Чибо действительно ни капли не интересуют эти пятьсот тысяч лян. Пятьсот тысяч! Это же огромная сумма, а не какие-то гроши. А он спокоен, как гладь воды. Гу Чибо и впрямь оказался тверд, как железо, и совершенно равнодушен к деньгам.

Раз так...

Вэй Шуангэ придвинулся к Гу Чибо и прошептал:

— Господин Гу, вы такой добродетельный чиновник, такой воздержанный в своих желаниях человек... Скажите, вы хоть раз предавались плотским утехам?

На улице уже стемнело, фонари вдоль дорог зажглись, света было мало. Но даже при таком

освещении Вэй Шуангэ заметил, что уши Гу Чибо покраснели так, будто вот-вот нальются кровью.

— Вэй! Шуангэ!

Вэй Шуангэ, довольный собой, пересел на другую сторону. Он заложил руки за голову, прислонившись к стенке кареты, и притворно-назидательным тоном произнёс:

— Господин Гу, страсть — это естественное состояние человека, главное, не сдерживайте себя, а то заболеееете!

Гу Чибо отвернулся и отрезал:

— Завтра я иду во дворец.

— Иди, кто ж тебе запрещает... — Вэй Шуангэ опустил руки и подался вперед. — Ты правда собираешься спрашивать про те пятьсот тысяч?

Гу Чибо промолчал.

Вэй Шуангэ заискивающе улыбнулся:

— Господин Гу, не надо, а? Это я сболтнул лишнее, больше не буду.

(По крайней мере, пока деньги не окажутся у него в руках).

Если Гу Чибо пойдет к Императору, тот наверняка прямо скажет, что приданое — это просто формальность, и тратить его можно как угодно.

Гу Чибо, глядя в окно, промолвил:

— Господин Вэй, мы приехали, вам пора выходить.

Вэй Шуангэ потер ладони:

— Господин Гу, сначала пообещай, что завтра не пойдешь к Его Величеству.

— Не могу, у меня есть дело, о котором нужно доложить.

Вэй Шуангэ откинул занавеску и крикнул кучеру:

— В поместье Гу! Сегодня я буду ночевать у вашего господина.

Кучер опешил. Наверное, подумал он, это всё ночная дорога — встретил призрака.

Гу Чибо схватил Вэй Шуангэ за запястье и тихо произнёс:

— Господин Вэй, прекратите нести чепуху!

Вэй Шуангэ прибег к наглости:

— Завтра не будет утреннего доклада, ты точно пойдешь жаловаться Императору, что я хочу присвоить те пятьсот тысяч! Останусь-ка я сегодня у тебя, а завтра перекрою ворота и не выпущу!

Кучер скривился, ожидая, что его молодой господин сейчас велит выставить Вэй Шуангэ вон.

Гу Чибо сказал:

— Господин Вэй, я иду во дворец по важному делу.

— А у меня тоже важное дело. Как раз посидим, при свечах побеседуем, ляжем спать в одной комнате. Завтра вместе отправимся во дворец — теперь-то тебе нечего будет сказать?

Гу Чибо потер переносицу, скрывая блеск в глазах. Его тон звучал крайне обреченно:

— Господин Вэй... Ладно, пусть будет по-вашему. Сяотун, возвращаемся в поместье.

Звук колес постепенно затих. В тени стоял оборванный мужчина средних лет; в его глазах горел странный огонек. Он босиком подбежал к боковой двери большого особняка и трижды постучал. Вскоре дверь приоткрылась, и он юркнул внутрь.

— Я узнал новость из уст самого Вэй Шуангэ.

Мужчина протянул обе руки:

— Эта новость стоит именно столько.

Тот, кто открыл ему дверь, отсчитал десять лян серебра.

Мужчина спрятал деньги и доложил:

— Вэй Шуангэ присвоил пятьсот тысяч лян казенных денег! Один чиновник по фамилии Гу узнал об этом и завтра собирается доложить Императору. Чтобы тот не смог на него пожаловаться, Вэй Шуангэ сегодня собирается заночевать прямо в доме этого чиновника!

Весть быстро дошла до хозяина особняка.

— Этим чиновником по фамилии Гу наверняка является Гу Чибо.

— Вэй Шуангэ присвоил пятьсот тысяч? Сумма кажется знакомой.

— Император сказал, что выделит пятьсот тысяч из личной казны ему на приданое.

— Вряд ли речь об этих деньгах. Наверное, это те, что он прибрал к рукам во время описи имущества по приказу Императора.

Император приказал конфисковать имущество ряда лиц, и именно Вэй Шуангэ занимался этим делом. Обычно все, кто участвовал в подобных процессах, потихоньку прихватывали что-то себе — это стало негласным правилом.

— Проверьте, действительно ли Вэй Шуангэ отправился в поместье Гу.

Карета остановилась у ворот поместья Гу. Вэй Шуангэ первым выпрыгнул наружу и, подняв голову, посмотрел на табличку:

— Отличный почерк.

— Это написал мой отец.

Гу Чибо обратился к дворецкому, вышедшему встречать их:

— Дядя Гу, будь добр, распорядись подготовить гостевую комнату.

Вэй Шуангэ вальяжно шагнул через порог:

— Господин Гу, я же сказал, что буду спать с тобой. Или у тебя есть странная привычка ночевать в гостевых комнатах?

Старый дворецкий, проработавший в поместье Гу в Цзяннани полжизни, а затем последовавший за Гу Чибо в Столицу, был в изумлении. В его памяти молодой господин лишь в юности однажды приглашал друга погостить в их доме.

— С тех пор как мы приехали в Столицу, вы... — начал было дворецкий.

Гу Чибо едва заметно покачал головой.

Дворецкий тут же изменил тон:

— ...первый гость?

Вэй Шуангэ относился к старшим с уважением, поэтому мягко улыбнулся:

— Дядя Гу, я жених вашего господина.

Дворецкий про себя подумал, что, должно быть, он слишком стар и его уши начали подводить. Он, добродушно улыбаясь, с фонарем в руках повел Вэй Шуангэ внутрь:

— Прошу сюда.

Вэй Шуангэ с удивлением приподнял бровь. Гу Чибо любил тишину, из прислуги у него был лишь Гу Сяотун, да и в целом в поместье было немного людей — по пути им почти никто не встретился.

Во дворе был маленький пруд, ветви плакучей ивы свисали до самой воды. Когда они проходили мимо, рыбка выпрыгнула из воды, схватила листок и скрылась обратно.

Вэй Шуангэ рассмеялся:

— Завтра не ходи во дворец, давай лучше здесь порыбачим?

— Это рыба Дяди Гу, — ответил Гу Чибо.

Дядя Гу добродушно отозвался:

— Как рыба подрастет, молодой господин сможет снова пригласить своего друга на рыбалку.

Вэй Шуангэ посмотрел на Гу Чибо и многозначительно добавил:

— Тогда я буду кормить её каждый день.

— Корм покупай на свои деньги, — отрезал Гу Чибо.

— Господин Гу, не мелочитесь, а?

— Три лян серебра.

Раз уж прослыл мелочным, надо придерживаться репутации до конца.

Вэй Шуангэ: ?

Видя, что Вэй Шуангэ не понял, Гу Чибо пояснил:

— Плата за ночлег. Три лян за ночь.

Вэй Шуангэ спросил у Дяди Гу:

— Ваш господин что, до безумия жаден до денег? Три лян! Да в Доме «Весенний ветер» можно всю ночь пить вино и слушать пение красавицы всего за пятнадцать лян!

Не успел Дядя Гу ответить, как Гу Чибо перебил его:

— Тогда тридцать лян.

<http://bllate.org/book/22350/2341957>